

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82

ОТЗЫВ ОППОНЕНТА,

кандидата политических наук,

доцента факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Телина Кирилла Олеговича

на диссертацию

Алексеева Дмитрия Владимировича

по теме

«Особенности применения политических технологий в законодательном процессе»,
представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук

Написание отзыва на диссертационное исследование представляет собой непростую для любого оппонента (да и в принципе рецензента) задачу. Несмотря на то, что академические учреждения прикладывают немалые (и весьма благородные) усилия для того, что посредством различных регулирующих документов облегчить долю авторов отзывов, обозначая, какие элементы и критерии оценивания обязательно должны присутствовать в таковых, многие вопросы все равно остаются на совести и, так скажем, под ответственность оппонента. Стоит ли начать с позитивных впечатлений и достоинств диссертации – или, учитывая распространенную динамику защит, стоит сконцентрироваться на недостатках и «поводах для дискуссии»? Стоит ли обращать большее внимание на то, что было сделано соискателем, - или скорее указывать на то, что было упущено и, несмотря на значимость, не раскрыто диссертантом?

Настоящий отзыв сначала представит определенные положительные характеристики диссертации Д.В. Алексеева по каждому из обязательных пунктов (актуальность, степень обоснованности научных положений, достоверность и новизна последних), после чего перейдет к раскрытию неоднозначных, спорных или напрямую негативных черт представленного исследования.

В части актуальности стоит подчеркнуть достаточно высокий уровень работы Д.В. Алексеева: она, несомненно, посвящена значимой и злободневной проблеме, не сводимой к

теоретической схоластики, но имеющей очевидное прикладное измерение. Диссертант, в целом, прав, когда указывает, что законодательный процесс недостаточно исследован с точки зрения его политической стороны, в том числе открытости для использования в рамках этого процесса политических технологий; безусловно, речь не может идти об отсутствии такого рода исследований, но совершенно точно может идти о дефиците таковых. Несмотря на то, что тема диссертации представляется оппоненту чересчур широкой (и претендующей на освещение скорее в многотомном цикле монографий, нежели в пределах отдельно взятого диссертационного исследования, представленного на соискание степени кандидата наук), ее актуальность не вызывает сомнений.

В части обоснованности ключевых тезисов и выводов диссертации следует обратить внимание на конструктивную направленность работы Д.В. Алексеева: на протяжении всего текста работы заметно его стремление получить обоснованный и оригинальный научный результат. Вместе с тем, это стремление завершается результатом, оценка которого не может являться исключительно положительной: отдельные положения, выносимые автором на защиту, представляются, мягко говоря, не вполне доказанными (см. *«выделены три типа политических технологий в законодательном процессе»*), а иные – граничащими с уже доказанными и даже тривиальными суждениями (см. *«В ходе процесса принятия законодательных решений происходит перераспределение объёма и содержания власти»*). Последнее замечание отчасти коррелирует с задачей описания степени достоверности и новизны достигнутых автором научных результатов.

К числу определенных достоинств диссертации стоит отнести стремление Д.В. Алексеева к структурированному и подробному повествованию, а также к последовательности изложения собственной исследовательской позиции.

Переходя к недостаткам и уязвимостям работы, в том числе связанным с ранее обозначенными элементами оценивания, стоит подчеркнуть следующее.

Во-первых, на актуальность диссертации сильное влияние оказывает, на взгляд оппонента, неудачная формулировка темы. Она чересчур широка, и представляется, что даже описание особенностей применения политических технологий в законодательном процессе Российской Федерации не укладывается в «прокрустово ложе» объема кандидатской диссертации. Кроме того, оппонент обращает особое внимание на то, что во введении Д.В. Алексеев не объясняет, каким образом он переходит от исследования *«особенностей применения политических*

технологий в законодательном процессе» (наименование работы) к исследованию *«практики применения политических технологий в законодательном процессе Российской Федерации на федеральном уровне»* (см. формулировку предмета работы на с. 12). В целом, концентрация на отечественном опыте понятна и объяснима; но ее следовало четко объяснить и в тексте диссертации, раз уж формулировка темы работы не включает в себя указание на российский опыт. К слову, из-за этого в самом тексте исследования раз за разом встречаются досадные казусы: к примеру, на с.73 Д.В. Алексеев указывает: *«Законодательный процесс, в юридическом смысле, представляет собой строгую последовательность процедур, которая не является гибкой. Этапы законодательного процесса закреплены в Регламенте Государственной Думы»*. Стоит ли понимать данное высказывание в том ключе, что в юридическом смысле этапы законодательного процесса в любой стране все равно закреплены исключительно в Регламенте Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации?

Во-вторых, оппонент хотел бы отметить не соответствующий притязаниям текста уровень категориально-понятийного фундамента диссертации: автор более чем вольно обращается с ключевыми для собственной работы понятиями и терминами, а также не утруждает себя четкой концептуализацией и операционализацией. Наиболее очевидно это в разделе *«Концептуализация политических технологий»*, где место этой самой концептуализации занимает совокупность различных определений политических технологий и отдельных замечаний к таким определениям. Содержащееся в начале работы (на с.20) определение политических технологий как *«совокупности инструментов, посредством которых политические акторы манипулируют процедурами и аргументами, влияющими на ход и результат законодательного процесса»* не выдерживает критики (к слову, за пределами введения такое определение или процесс его выведения обнаружить не удалось). Однако это лишь вершина айсберга или известная ягода на кондитерском изделии, в то время как внимания заслуживают и следующие обстоятельства:

а) многие упоминаемые в работе значимые и сильные заявления обходятся без пояснения значений содержащихся в них терминов; так,

на с.4 используется конструкция *«парламент может увеличить свой авторитет в рамках сложившейся системы»*, но нигде в работе нельзя найти инструменты измерения «увеличения авторитета»;

на с. 18 указывается, что *«потенциал депутатов и сенаторов как вето-игроков сегодня задействован не в полной мере, что связано с дефицитом воли политических акторов»*, однако нигде не аргументируется предположение о «дефиците воли», равно как и не встречается дефиниции такого вот «дефицита»;

на с.21 указывается, что *«Совет Федерации (...) может демонстрировать свою субъектность»*, - стоит ли говорить, что нигде в работе нет даже корректно заимствованного (цитируемого) определения / понимания «субъектности»? При этом на с. 202 Д.В. Алексеев заявляет, что *«чем больше парламент выражает свою субъектность, тем больше его политический авторитет и влияние»*, - интересна даже не замена палаты парламента (Совет Федерации) на «парламент» как таковой, а концептуальная демаркация «субъектности» от «авторитета и влияния», которые, как следует из приведенной выше грамматической конструкции, представляют собой, по мнению соискателя, совершенно разные вещи.

б) определение закона *«как юридического документа, содержащего обязательную для исполнения норму, установленную государственной властью или народом»* представляется сомнительным (как минимум, чересчур узким) – ведь в этом случае как мы называем эту содержащуюся в документе обязательную для исполнения норму, воплощаемую в документе? Тоже закон? Получается «закон как юридический документ, содержащий в себе закон»?

в) отдельно оппонент хотел бы отметить высказывание на с.11: *«Вместе с тем исследования, в которых системно анализируются конкретные случаи применения политических технологий в законодательном процессе, отсутствуют. Здесь следует упомянуть диссертации И.А. Помигуева и ...»*; в российских реалиях, бывает, поминают отсутствующих лиц (и то в силу определенных обстоятельств) – но такого, чтобы следовало упоминать исследования, только что объявленные отсутствующими, оппонент доселе не встречал.

В-третьих, по всему тексту в изобилии встречаются грамматические ошибки – прежде всего, пунктуационного характера. Несколько примеров:

- 1) с.3: *«пристально внимание»* (опечатка / орфографическая ошибка);
- 2) с.7: *«многие из юристов, которые исследуют законодательный процесс имеют отношение к Институту законодательства и сравнительного правоведения»* (нет нужной запятой);
- 3) с.13: *«понимание институтов, как «правил игры»»* (лишняя запятая перед «как»);
- 4) с. 40: *«...определяет законодательный процесс, как систему процессуальных действий, необходимых...»* (лишняя запятая перед «как»);
- 5) с.47: *«отметим, что не стоит путать понимание парламента, как института и как органа власти»* (лишняя запятая перед «как»);
- 6) с.54: *«Словарь Кэмбриджского университета трактует технологию, как практическое знание и умение, использующееся в научных открытиях. Словарь Оксфорда определяет*

технологии, как научное знание, использующееся в практических целях» (лишние запятые перед «как» - наиболее типичная ошибка в пределах настоящей диссертации);

7) с. 74: «рассмотрение в Совете Федераций» (оппоненту известен «Совет Федерации», но неизвестен – во всяком случае, в пределах обитаемой человечеством части галактического рукава Млечного Пути – «Совет Федераций», хотя таковой упоминается не только на с.74, но и на с.16, 40, 95, 96, 97, 119, 137, 147, 151, 155, 212, 213, 214 и 226).

Кроме того, оппонент считает возможным выделить странные или спорные высказывания диссертанта, заслуживающие, вероятно, отдельного комментария в ходе защиты. На с.55 написано «*в каком-то смысле технология является вещью в себе*», на с.59 указывается, что «запись и стенографирование можно называть политическими технологиями», а на с.66 встречается весьма неоднозначная формулировка «*предметом воздействия политических технологий в законодательном процессе является исключительно законодательный процесс и всё, что с ним связано*» (интересно сочетание конструкции «является исключительно...» и продолжения «...и всё, что с ним связано»). На с.69 и вовсе сказано, что «*несмотря на все свои особенности, политические технологии прежде всего являются лишь частью политических технологий*»; столь глубокая мысль заслуживает, на взгляд оппонента, отдельного комментария.

В целом, оппонент считает необходимым отметить также некоторую описательность второй главы диссертации и интригующее содержание третьей главы, больше напоминающей отдельное исследование, но лишь косвенно связанной с темой диссертационной работы, заявленной в ее названии.

Вместе с тем, учитывая старания и продемонстрированные способности и навыки диссертанта, оппонент считает возможным заключить, что диссертационная работа Алексева Дмитрия Владимировича на тему «Особенности применения политических технологий в законодательном процессе» отвечает основным требованиям, предъявляемым к работам соответствующего уровня, а сам Алексей Дмитрий Владимирович при условии качественной защиты диссертации заслуживает присуждения искомой степени кандидата политических наук.

Доцент факультета политологии

МГУ имени М.В. Ломоносова

кандидат политических наук

kirill.telin@gmail.com

+7(910)484-46-52

Телин Кирилл Олегович

подпись Телина К.О. завершено
участий секретарь
Гулярова Е.В. Гулярова

